

Виктор Пронин

Дверь в себя



*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*



Виктор Пронин

Дверь в себя

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Дверь в себя / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«Случилось так, что Геннадий Георгиевич в своей жизни любил до обидного мало. И настоящей любви, так сказать, в полном смысле слова, тоже у него было гораздо меньше, чем ему хотелось. И любимых вещей, занятий, людей у него тоже почти не было. И не потому, что Геннадий Георгиевич был столь уж несчастен, вовсе нет, он просто был таким, как все мы. Да-да, у всех у нас любви в жизни оказывается куда меньше того, на что мы способны...»

© Пронин В. А.

© Эксмо

Виктор Пронин

Дверь

Случилось так, что Геннадий Георгиевич в своей жизни любил до обидного мало. И настоящей любви, так сказать, в полном смысле слова, тоже у него было гораздо меньше, чем ему хотелось. И любимых вещей, занятий, людей у него тоже почти не было. И не потому, что Геннадий Георгиевич был столь уж несчастен, вовсе нет, он просто был таким, как все мы. Да-да, у всех у нас любви в жизни оказывается куда меньше того, на что мы способны. Я, например, вполне мог полюбить Канарские острова, говорят, там неплохо, мне могла понравиться гора Фудзияма, на фотографиях она выглядит весьма соблазнительно, а сколько прекрасного у меня могло произойти с той стройной темноволосой девушкой, которую я встречал в коридорах нашего института, но так и не приблизился к ней, она осталась от меня на таком же расстоянии, как и священная гора Фудзияма. А сколько разных умений могло бы меня увлечь! И вместо того чтобы сидеть взаперти в подмосковной Малеевке и отстукивать на машинке этот рассказ, я мог бы бороздить океанские просторы, спускаться в пещеры, а в пирамидах я бы вдыхал воздух, которым дышали божественные фараоны три тысячи лет назад...

Но речь не обо мне. Речь о Геннадии Георгиевиче. Он любил умываться по утрам до пояса, а потом, не торопясь, покряхтывая и постанывая, растираться свежим полотенцем – мохнатым, жестковатым, теплым. Это был едва ли не единственный его каприз – свежее полотенце к утреннему умыванию. Поначалу его жена Соня пыталась жульничать, подсовывая ему вчерашнее полотенце, но Геннадий Георгиевич быстро ее раскусил, обиделся, обижаться он умел, делал это со вкусом, церемонно обставляя многими сопутствующими обстоятельствами – задерживался на работе, ложился спать голодным, молчал угнетенно и обиду свою забывать не торопился. Соня, помаявшись раз-другой, благоразумно решила, что куда проще прополоскать полотенце и вывесить его на балконе, чем неделями улаживать разобиженного супруга.

Среди других радостей, в которых Геннадий Георгиевич себе не отказывал, была чашка паршивого кофе в соседнем гастрономе – ему нравилось независимо и отрешенно постоять в одиночестве у высокого столика с мраморной столешницей, – мимолетная встреча с незнакомой девушкой по дороге на работу, четвертая страница газеты, которую он прочитывал уже за своим столом. До некоторых пор он баловал себя двумя стаканами сухого вина – один в обеденный перерыв, другой – после работы. Но сухое вино перестали продавать в разлив и не в разлив тоже. Проявив гражданское мужество и зрелость, Геннадий Георгиевич смирился.

Последний раз плеснув холодной водой под мышки, Геннадий Георгиевич ойкнул, откинул с лица мокрые волосы, подошел к зеркалу. И сразу огорчился. Лучше бы не подходил. Из деревянной рамы на него смотрел сорокалетний мужчина с обвисшим брюшком, покатыми плечами и с физиономией весьма невыразительной. Он вздохнул, втянул живот, повернулся в профиль – вроде ничего, но долго держать живот втянутым было неудобно, он расслабился, уже безутешно смотрел на свою подпорченную жизнью фигуру... И вдруг лицо его напряглось, взгляд стал острым, Геннадий Георгиевич побледнел. В слабом свете коридорной лампочки он увидел, что у него через всю грудь, от левого плеча вниз, идут несколько красноватых полос. Да, совсем свежие царапины, будто какой-то зверь мощной лапой сквозь одежду провел по его груди.

И Геннадий Георгиевич все вспомнил. И уже не замечал яркого солнца на утренних занавесках, не ощутил запаха жареной колбасы из кухни, не слышал утренних бодрящих песен из репродуктора. «Кудрявая, что ж ты не рада веселому пенью гудка?» – вопрошала певица, и охваченные ликованием мужчины подхватывали. А Геннадий Георгиевич стоял с полотенцем в руках, неотрывно глядя на дверь, ведущую на лестничную площадку. Медленно, с опаской Геннадий Георгиевич подошел к ней поближе, осторожно коснулся рукой, провел пальцами по

ее шершавой поверхности, отколупнул ногтем чешуйку краски. Дверь как дверь... Но он отошел пятясь, словно боясь повернуться к ней спиной, словно ожидая от нее каких-то действий...

В этой квартире Геннадий Георгиевич жил совсем недавно, меньше месяца – он поменял свою двухкомнатную квартиру на трехкомнатную. Разговорился в гастрономе с каким-то тощим человеком, пожилым, в шляпе, с портфелем, вместе вышли, оказалось, что им идти в одну сторону. По дороге выяснилось, что Геннадию Георгиевичу тесновато в двухкомнатной на двадцати семи метрах, а его новому знакомому с женой слишком уж свободно на тридцати пяти метрах. Через неделю сговорились поменяться. Единственное, что настораживало Геннадия Георгиевича, – это настойчивость обменщика – тот даже доплаты не требовал. Но он прикинул, что район остался тот же, был третий этаж – стал второй, окна выходили во двор и на улицу... Нет, не обнаружил Геннадий Георгиевич никакого подвоха и согласился.

Но подвох, как оказалось, был. Был подвох. И тощий человек знал о нем, поскольку после обмена как в воду канул. Не позвонил, не появился и сам на телефонные звонки не отвечал.

– Доброе утро, папая! – бодро сказал сын, веснушчатый десятиклассник Вова, появляясь из своей комнаты.

– Привет, – тускло ответил Геннадий Георгиевич, не сводя глаз с двери.

– Ты что это? – обернулся Вова. – У тебя все в порядке?

– Будь здоров.

– Постараюсь. – Вовка пожал плечами, пощелкал замками и вышел. И за те две-три секунды Геннадий Георгиевич успел заметить, что за дверью никого нет, что площадка освещена солнцем и потому кажется особенно грязной, успел заметить даже, что у соседней двери, как обычно, нагадил Максим – болонка с верхнего этажа, значит, опять будет скандал.

Геннадий Георгиевич подошел к двери. Ничего необычного он не заметил. Многократно выкрашенная поверхность, врезанный замок, дыра для глазка... Геннадий Георгиевич осторожно протер глазок полотенцем и, приподнявшись на цыпочки, выглянул на площадку. Никаких перемен. Солнечный квадрат на несвежем бетонном полу, лужа у двери напротив, пустая бутылка в углу... Геннадий Георгиевич несколько успокоился, но окончательно его настороженность не прошла. Все еще терзаемый тяжкими мыслями, он вошел в комнату, бросил полотенце на стул, взял рубашку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.